

Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность?

(опубл.: Вопросы литературы. 2011. Июль – Август (№ 4). С. 302-313)

О словосочетании «культурный трансфер», которое все более и более входит в последнее время в российский гуманитарный «сленг», став даже неким таинственным обозначением одной из магистерских дисциплин, хочется порой сказать то, что П.А. Вяземский сказал однажды о романтизме, сравнив его в письме к Жуковскому с домовым: «...многие верят ему; убеждение есть, что он существует, — но где его приметы, как обозначить его, как наткнуться на него палец?»

В самом деле, создается впечатление, что в гуманитарной продукции последнего времени *культурный трансфер* становится определенным концептуальным прикрытием (разумеется, в меньшей степени, чем пресловутый *дискурс*, но все же к нему приближаясь), смысловые очертания которого остаются размытыми как для читателей, так и для самих филологов, использующих данный термин. В иных случаях словосочетание и вовсе используется как более «модное», более современное обозначение того, что традиционно именовалось сравнительным изучением литератур (культур), появляясь также в составе парадигмы *литературные взаимодействия – рецепция – межкультурная коммуникация*¹.

Все это делает совершенно необходимым разговор о генезисе метода культурного трансфера в западно-европейской литературной критике, контекстах его применения, тех новых территориях гуманитарных знаний, которые он начинает осваивать, и, наконец, о той внутренней оппозиции, которую этот метод, во всяком случае, по замыслу своих создателей, призван был составить более традиционной компаративистике.

На самом деле, теория культурного трансфера зародилась в середине 1980-х гг. в среде французских филологов-германистов, работавших над изданием хранящихся во Франции рукописей Генриха Гейне. Именно феномен Гейне, немецкого еврея, обосновавшегося во Франции и ставшего неотъемлемой частью французской интеллектуальной истории, заставил задуматься над рядом вопросов, давших

¹ Лобачева Д.В. КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СТРУКТУРА, РОЛЬ В СИСТЕМЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 8. С. 23-27.

непосредственный импульс новому методу. Отправной точкой стал вопрос о том, как интерпретация немецкой философии (Гегеля, Канта), предложенная французскому читателю Гейне, находившемуся в то время под влиянием идей сен-симонизма, пришла в столкновение с уже имевшимися во Франции представлениями о немецкой культуре и немецкой философии.

В 1985 г. Мишель Эспань и Михаэль Вернер создают внутри Национального Центра научных исследований Франции и под эгидой Эколь нормаль сюперьер лабораторию «Франко-немецкий культурный трансфер» («Transferts culturels franco-allemand»²), научные цели которой конкретизовались на коллоквиуме, организованном в 1986 г. по инициативе Французской исторической миссии Геттингена³. Прояснению целей и задач нового типа исследований, которые начала вести лаборатория, была посвящена также совместная статья М. Эспаня и М. Вернера «Создание немецкой референции во Франции 1750-1914 гг. Генезис и культурная история»⁴. Поскольку лаборатория, возглавленная издателями Гейне (М. Эспанем и М. Вернером), работавшими в то время в Институте современных рукописей и текстов (ИТЕМ), объединила, на самом деле, исследователей различных университетов и специальностей, в деятельности лаборатории с самого начала присутствовали разные направления. С одной стороны, тот факт, что создатели группы были, как уже было сказано, германистами, занятыми расшифровкой и интерпретацией рукописей и рукописных досье⁵, объяснял ряд научных проектов молодой лаборатории, посвященных исследованию статуса рукописи в различных национальных ареалах, а также статуса рукописных собраний и книжных хранилищ⁶. С другой стороны,

² В 1998 г. лаборатория была реорганизована в «исследовательский центр «Трансфер. Межкультурная история германского мира» (URA «Transferts. Histoire interculturelle germanique»). Современное ее название - UMR 8547 (PAYS GERMANIQUES, TRANSFERTS CULTURELS).

³ Материалы данного коллоквиума опубликованы: *Espagne Michel et Werner Michael* (éd.) *Transferts. Les relations interculturelles dans l'espace franco-allemand*. Paris, 1988.

⁴ *Espagne Michel et Werner Michael*. *La construction d'une référence allemande en France 1750-1914. Genèse et histoire culturelle* // *Annales ESC*. 1987. Juillet-août. P. 969-992.

⁵ О методологии генетической критики, разрабатываемой с 1980-е гг. Институтом современных текстов и рукописей см.: *Дмитриева Е.Е.* Генетическая критика во Франции. Теория? Издательская практика? Явление постмодернизма? // *Генетическая критика во Франции. Антология*. М.: ОГИ, 1999. С. 9-25.

⁶ К изучению данной проблематики присоединились и российские ученые. В 1992 г. в Москве на базе ИМЛИ был проведен коллоквиум «Рукопись сквозь века (рукопись как культурный феномен на различных этапах литературного развития)». Материалы

приоритетным в деятельности лаборатории оказалось изучение «перекрестной истории» (*histoire croisée*) немецкой и французской филологии и – шире – гуманитарных наук.

На этой начальной стадии работы лаборатории «Культурный трансфер» важным оказался вклад философов-германистов, изучавших воздействие немецкой философии во Франции, а также то влияние, которое труды немецких (но также и французских) философов оказывали и оказывают на новый метод историко-культурных исследований (теория перевода Гердера и отклик, который она нашла во Франции, изучению которой посвятил свои работы участник группы философ-германист Пьер Пениссон⁷; история младо-гегельянства и его рецепции во Франции, описанная в работах франко-немецкого философа Норбера Важека; в этом же контексте следует упомянуть и работы Марка Крепона, теоретизировавшего проблему и посвятившего свою первую монографию проблеме географии и границы в философии⁸).

Со своей стороны, историки, сотрудничавшие в лаборатории, занимались изучением вопросов миграции, понимая под ней не только перемещение людей, но также идей и книг (изучение Алленом Рюи истории немецких якобинцев в контексте раннего кантианства, исследование Фредом Шрадером торгового и интеллектуального обмена, осуществлявшегося между Бордо и Гамбургом, история циркуляции немецкой книжной продукции в XIX в. в Европе, описанная Фредериком Барбье⁹, история миграции еврейского населения - а вместе с ним и еврейской культуры – изучению которой посвятили свои труды Доминик Бурель, Дельфин Бештель¹⁰, Селин Тротманн-Валер¹¹ и др.)

В начале 1990 гг. объединение двух Германий позволило лаборатории завязать тесные научные связи с Лейпцигским университетом. Темой совместного проекта, возглавленного М. Эспанем и профессором Лейпцигского университета Матиасом Миделем стало изучение «французской составляющей» в культурной истории «одной из

коллоквиума опубликованы на русском языке в 1994 г. (см. сноску --) и на французском в издании: *Les manuscrits littéraires à travers les siècles*. Paris: Du Lérot, 1995.

⁷ *Penisson Pierre*. J.G. Herder: La raison dans les peuples. Paris, 1992.

⁸ *Crepon Marc*. *Les Géographies de l'esprit*, Paris : Payot, 1996

⁹ *Barbier Frederic*. L'empire du livre , le livre imprimé et la construction de l'Allemagne contemporaine (1815-1914). Paris, 1995.

¹⁰ *Bechtel D., Bourel D., Le Rider J.* (éd.) Max Nordau (1849-1923) : critique de la dégénérescence, médiateur franco-allemand, père fondateur du sionisme. Paris, 1996.

¹¹ *Trautmann-Waller C*. Philologie allemande et tradition juive: Le parcours intellectuel de Leopold Zunz. Paris, 1998.

территорий Германии» (имелась в виду Саксония)¹². К этому же времени относится и начало тесного сотрудничества лаборатории с исследователями из ИМЛИ, проводимые регулярно совместные colloquia и издаваемые на их основе коллективные труды¹³. Сотрудничество российских ученых позволило к тому же расширить «географию» культурного трансфера, распространив его уже не на два, но на три культурных ареала: Францию, Германию, но также и Россию. Данный проект получил конкретную реализацию в изданной в 1996 г. под редакцией Мишеля Эспаня, а также автора этих строк коллективной монографии «Тройственный культурный трансфер. Франция – Германия – Россия»¹⁴ (в дальнейшем была также предпринята попытка расширить географию трансфера до четырех культурных ареалов, включив также и Италию¹⁵).

В самой Франции, где с середины 1990-х годов метод культурного трансфера получал все большее распространение, завоевав себе адептов и последователей также и в Германии и США, расширение области его применения и его распространение на все большее количество гуманитарных дисциплин (архитектуру, историю искусства и т.д.) повлекло за собой и определенную «передислокацию» теоретиков и практиков культурного трансфера. Так, например, Михаэль Вернер, покинув лабораторию, создал в Высшей школе социальных исследований (EHESS) Центр по изучению и исследованию Германии (Centre d'études et de recherche sur l'Allemagne), интересы которого заметно сместились в сторону изучения историографии, а также применения методов социальных наук для изучения современной Германии. Мишель Эспань, оставшись во главе

¹² *Espagne M., Middell M. (éd.) Transferts culturels et région. L'exemple de la Saxe. Numero spécial des Cahiers d'études germaniques. 1995. № 28.*

¹³ См.: Рукопись сквозь века (рукопись как культурный феномен на различных этапах литературного развития). Материалы русско-французского colloquia. Москва-Париж-Псков, 1994; Литературный пантеон: национальный и зарубежный. М.: Наследие, 1999; Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания. Материалы российско-французской конференции. Ч.1-2. М.: ИМЛИ, РАН, 2002; Искусство *versus* литература. Франция – Россия – Германия на рубеже XIX -XX веков. *Материалы русско-французского colloquia.* / М.: ОГИ, 2006; Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия). Коллективная монография по материалам русско-французского colloquia. М.: ИМЛИ, 2009; Европейские судьбы концепта культуры (Россия, Германия, Франция, англоязычный мир). М.: ИМЛИ, 2011 (в печати).

¹⁴ *Transferts culturels triangulaires. France-Allemagne-Russie. Sous la direction de Katia Dmitrieva et Michel Espagne. Paris : éd. de la Maison des Sciences de l'Homme, 1996.*

¹⁵ *Russie, France, Allemagne, Italie. Transferts quadrangulaires du neoclassicisme aux avant-gardes. Textes rassemblés par Michel Espagne. Col. "Transferts". Paris: Du Lerot, 2005.*

лаборатории, основал в 1994 г., совместно с известным специалистом по Центральной Европе Жаком Ле Ридером журнал «Revue Germanique Internationale», тематические выпуски которого, независимо от их ориентированности на ту или иную дисциплину, вносили непосредственный вклад в дальнейшую разработку теории культурного трансфера¹⁶ (в 2007 г. Эспанем и Ле Ридером был выпущен объемный «Словарь германского мира», методологической основой которого также стала теория культурного трансфера¹⁷. Метод культурного трансфера стал применяться и в медиевистике¹⁸.

В последнее время теория культурного трансфера оказалась весьма плодотворной особенно в области изучения истории гуманитарных наук¹⁹, истории искусства²⁰, а также исследования проблем современной урбанистики²¹ и садового искусства²².

Что касается России, то несмотря на участие русских исследователей в «проекте» культурного трансфера, о чем уже шла речь выше, вхождение этой теории в русской научный обиход – надо признаться - происходит непросто и даже нередко встречается в штыки. На это есть несколько причин. Первая, внешняя, казалось бы не столь и важная, но которую нередко используют в качестве контр-довода против «новой теории» - сугубо языковая. И в самом деле, русскому языку слово «трансфер» в целом чуждо; ставшая

¹⁶ Перечислим тематические подзаголовки некоторых номеров журнала: «Europe centrale. Mitteleuropa» (№ 1, 1994); Histoire et théories de l'art. De Winckelmann à Panofsky (N 2, 1995), La crise des Lumières (N 3, 1995), Le miroir allemand. Transferts culturels (N 4, 1995), Germanité, judaïté, altérité (N 5, 1996), Histoire culturelle (№ 10), Villes baltiques. Une mémoire partagée (№ 11, 2010).

¹⁷ Dictionnaire du monde germanique / Sous la direction de [Elisabeth Décultot](#), [Michel Espagne](#), [Jacques Le Rider](#). Paris : Bayard, 2007.

¹⁸ См.: *Kasten Ingrid, Paravicini Werner, Pérennec René* (éd.) *Kultureller Austausch und Literaturgeschichte im Mittelalter / Transferts culturels et histoire littéraire au Moyen Age*. Sigmaringen, 1998.

¹⁹ См., напр., *Céline Trautmann-Waller*. *Aux origines d'une science allemande de la culture*. Linguistique et psychologie des peuples chez Heymann Steinthal. Paris, CNRS Éd., 2006; *Histoire de literatures en France et en Allemagne autour de 1800 / Sous la direction de Geneviève Espagne*. Paris, 2009.

²⁰ См., напр.: *Decultot Elisabeth*. *Peindre le paysage. Discours critique et renouveau pictural dans le romantisme allemand*. Tusson, Du Lérot, 1996; *Espagne Michel*. *L'histoire de l'art comme transfert culturel. L'itinéraire d'Anton Springer*. Belin, 2009.

²¹ См. исследования Евы Беар, в т.ч.: *Bérard Ewa* (ed.) *Saint-Petersbourg: une fenêtre sur la Russie: ville, modernisation, modernité 1900-1935*. Paris, 2000.

²² См. недавно вышедшую книгу русско-немецкой исследовательницы Анны Ананьевой «*Russisch Grün. Eine Kulturpoetik des Gartens im Russland des langen 18. Jahrhunderts*» (Bielefeld, 2010).

укорененной область его применения связана прежде всего с туризмом и банковскими операциями, мало общего имеющими с культурой (именно поэтому делалась и все еще делается попытка *перевести* данный термин, назвав теорию *культурного трансфера* – теорией *культурных перемещений*, что, однако, все равно остается семантически достаточно зыбким). Однако для самих создателей данной теории принципиально важным является соотнесенность слова *transfert* с представлением именно о финансовых потоках, перемещениях населения, а также с одним из понятий психоанализа, поскольку *культурный трансфер* собственно и вмещает в себя, помимо сферы собственно интеллектуальной, жизнь экономическую, демографическую, психическую. (Стоит также напомнить в этой связи, что слово «трансфер» фигурирует и в названии известного романа Дос Пассоса «Manhattan Transfer» (на русский язык традиционно переводится как «Манхеттен»), давшем также имя известной джаз-группе.

Вторая причина – гораздо более существенная и сущностная – непростого проникновения теории культурного трансфера в русскую научную практику заключается в том, что эта теория, хотя и будучи своего рода «отпочкованием» сравнительного литературоведения, вместе с тем достаточно резко себя ему с самого начала противопоставила. Вопрос, которым задаются у нас даже и те, кто, казалось бы, сам применяет методику культурного трансфера на практике, сводится к трудно вычленимому различию между ним и более традиционной компаративистикой. Что, к слову сказать, в свою очередь также является одной из проблем культурного трансфера: то, что для нас составляет отечественную традицию школы Веселовского, весьма мало походит на то, что называется *comparatisme / études comparées* во Франции²³.

А между тем, как представляется, именно эти отличия, – то есть то, чем *была* французская компаративистика и то, чем *не хотела стать* теория культурного трансфера – и определили ее основы. Потому что, как неоднократно подчеркивал один из создателей теории Мишель Эспань, компаративизму в гуманитарных науках, исходящему из идеи «особости» каждой культуры, даже когда речь идет о влиянии одной культуры на другую, теория культурного трансфера противопоставляет не просто изучение одновременно нескольких культурных и национальных пространств, но также и изучение имбрикаций, вкраплений, трансформаций, которые при всяком соприкосновении культур проявляются равно в воздействующей и в принимающей культурах. Тем самым в расчет уже берется

²³ Именно данной проблеме был посвящен последний русско-французский colloquium, организованный в рамках сотрудничества с Центром культурного трансфера: ««Пути компаративистики: вопросы генезиса культурного трансфера / Comparer les comparatismes : Transferts d'études comparées» (2009).

более не бинарная оппозиция - две культуры, одна из которых обязательно осмысливается как культура-реципиент, то есть культура принимающая, – но конструкция, гораздо более сложная²⁴.

Сюда следует еще добавить изучение сопутствующих культурному трансферу факторов: в отношениях воздействующей и принимающей культур всегда присутствует некий «третий» (на самом деле, их гораздо больше) фактор. В качестве аналогии можно было бы привести работу лингвиста, который в изучении коммуникативной ситуации должен учитывать не только отношения говорящего и воспринимающего, но и все те условия, что создают контекст ситуации говорения-восприятия. Так, открытие Бергсона в России оказывается неожиданным образом подготовленным (и скорректированным) предшествующим увлечением Ницше, казалось бы, ничего общего с Бергсоном не имеющем, который, в свою очередь, будучи большим поклонником Достоевского, поначалу и был прочитан в России сквозь призму Достоевского²⁵. А характер воздействия на европейское гуманитарное знание XX в. русской формальной школы (Ю. Тынянов, Б. Шкловский, Б. Эйхенбаум, О. Брик, В. Жирмунский и др.), воспринятой как сугубо русское явление, вряд ли может быть в полную меру понят без учета того импульса, который формалисты в свое время получили от западных гуманитарных наук: психологической школы К. Штейнталя, эстетики Гербарта, искусствознания Г. Вельфлина²⁶.

«Переданное сообщение, - утверждает М. Эспань, - должно быть переведено с языка культуры исходящей на язык культуры усваивающей. Это семантическое присвоение глубинным образом изменяет объект, переходящий из одной системы в другую. Тем не менее, в данном случае мы не будем говорить об утрате. Интерпретация Канта академическими философами Третьей республики не становится менее интересной и не должна рассматриваться как искажение оригинала от того, что они, сделав из немецкого философа выразителя светской республиканской морали, интерпретировали

²⁴ См. об этом: *Espagne Michel*. Les transferts culturels franco-allemands. Paris, 1999. P. 1-3.

²⁵ См.: *Dmitrieva K., Nethercott Fr.* De Nietzsche à Bergson dans la quête de Dieu. La nouvelle conscience religieuse en Russie au début du XXème siècle // Transferts culturels triangulaires. Op. cit.

²⁶ См. статьи Селин Тротман–Валер «Народная литература, коллективный автор и социальные характеристики повествовательных форм: немецко-русский переход от психологии к формализму и структурализму», Кароль Мэнь «Формальная эстетика И.-Ф. Гербарта и ее отражение в русском формализме» и Мишеля Эспаня «Синтезирование и спасение немецких гуманитарных наук (случай Жирмунского)» в сборнике: Европейский контекст русского формализма. Указ. соч.

его не так, как это делали их немецкие современники»²⁷. Любой переход из одного культурного пространства в другое легко может повлечь за собой превращение, подобное тому, которое произошло с трудами ремесленников-литейщиков, проникнутых духом алхимии: после того как они были переведены на французский язык бароном Гольбахом, они парадоксальным образом послужили ценным материалом для статей Энциклопедии, посвященных определению материи и вещества²⁸.

Другой «новый момент» в теории культурного трансфера заключается в том, что изучение периферии культурного пространства, то есть тех связей, которые каждая культура по необходимости поддерживает с чужим культурным пространством, она перемещает в самый центр. И тем самым демонстрируется, насколько любое, даже самое национальное явление (или, во всяком случае, почитаемое таковым), на самом деле является сложнейшим сплавом разных культур и взаимовлияний. Так, официальная идеология Третьей Республики во Франции оказывается производной, как мы уже видели, от «плохо усвоенных» уроков кантианской философии. А знаменитый Медный всадник Фальконе, как это показал Луи Рео, был по первоначальному замыслу его создателя, не столько памятником российскому императору, сколько моментом бунта против Винкельмана и символом экспансии французской культуры в Россию, своего рода «Дидро на коне»²⁹.

Одним из объектов внимания теории культурного трансфера является также изучение культурных и национальных составляющих тех концептов, без которых невозможно само изучение культуры: *нация, гражданин, патриотизм, цивилизация, культура, образование, просвещение*, и которые, будучи инструментом анализа, таят на самом деле в себе опасность произвольного их использования, поскольку в каждом языке означают отнюдь не одно и то же. И здесь на помощь исторической семантике приходит именно теория культурного трансфера, которая делает акцент не столько на историчности каждого из терминов, сколько на их «культурном перемещении» - на тех семантических сдвигах, которые возникают при их «импортировании» из одной культуры в другую.

Наконец, теория культурного трансфера есть также и история и теория перевода, в прямом и переносном значении этого слова. Потому что всякое усвоение культурного феномена есть уже само по себе перевод на свой культурный язык, при котором что-то изменяется и в принимающей культуре, но непременно что-то изменяется и в культуре

²⁷ *Espagne Michel*. Les transferts culturels franco-allemands. Op. cit. P. 21.

²⁸ Ibid. P. 22.

²⁹ См. : *Эспань М.* «Чужая» составляющая размышлений о художественной культуре: Россия, Франция и Германия на рубеже веков // Искусство versus литература. Указ. соч. С. 26-31.

воздействующей. Если же говорить о переводе в прямом смысле этого слова, то очевидно, что переведенный текст никогда не равен оригиналу, и даже при самом точном переводе столько же привносит в ту культуру, на язык которой он переводится, сколько и в ту, с языка которой он переводился. Так, Эварист Парни, активно переводившийся на русский язык поэтами золотого века, имеет мало общего с французским Парни, к началу XIX в. уже практически забытым во Франции. Так же, как и русский «романтический» Шиллер не равен Шиллеру историческому (немецкому); но именно в своем уже трансформированном русском сознании начала XIX века качество он окажет в дальнейшем сильнейшее влияние на русскую литературу, в частности, на Достоевского. Здесь можно вспомнить и о новом открытии немецкого поэта Гельдерлина в XX веке: незавершенные его стихи, которые в Германии на протяжении почти века почти не принимались в расчет и рассматривались как неудачный плод последних лет ментально больного поэта, будучи переведенными на французский язык, становятся отправным пунктом нового направления в поэзии, представленного именами Рене Шара, Ива Бонфуа и проч. Но при этом меняется не только французское культурное пространство, но также и собственно немецкое видение истории национальной литературы³⁰.

Крайности, как говорится, сходятся. В настоящий момент теории культурного трансфера приходят уже к выводу, что собственно в теории Веселовского (более, чем его последователей) есть гораздо больше того, что объединяет ее с теорией культурного трансфера, чем того, что разъединяет. Именно поэтому одним из приоритетных направлений в проектах центра «Культурный трансфер» становится в настоящий момент сравнительное изучение национальных форм компаратизма, связанных с историей интеллектуальных, духовных и т.д. отношений между различными странами и культурами³¹.

³⁰ См. об этом статью Изабель Калиновски в сборнике: Литературный пантеон. Указ. соч.

³¹ Ср. недавно изданный тематический номер журнала *Slavica Occitania*, посвященный проблемам истории компаративизма (*SLAVICA OCCITANIA. Numéro 30. Transferts culturels et comparatisme en Russie. Édité par Michel Espagne. Toulouse, 2010*).